

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkaya Starina
Has been issued since 1870.
ISSN: 2313-402x
E-ISSN: 2409-2118
Vol. 19, Is. 3, pp. 182-199, 2016

DOI: 10.13187/rs.2016.19.182
www.ejournal15.com

UDC 94 (470):34

Extrajudicial Reprisal against the Cossacks of Stanitsa Elanskaya in 1929–1930 (Investigation of an Archival Case)

Andrei V. Venkov

Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russian Federation
41, Chekhov Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr. (History), Professor
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Abstract

The article, basing on archival materials of the Federal security service, studies the governmental policy towards the Upper Don Cossacks at the beginning stage of collectivization on the example of the cases of 1929 and 1930. It was examined an attempt of the authorities to eliminate their potential opponents on the threshold of the mass collectivization by incriminating them the preparation of the armed uprising. The new archival materials have been introduced for scientific use.

Keywords: Joint State Political Directorate; conspiracy; counterrevolutionary organization; Cossacks; rebels; grain procurements; collectivization.

Введение

В отечественной исторической литературе есть огромный пласт исследований на тему антиказачьих репрессий в годы Гражданской войны, которые в обиходе несколько односторонне именуется «расказачиванием». Воспроизведение и анализ этой литературы потребовали бы создания целой историографической статьи. Гораздо более слабо исследованы репрессии, обрушившиеся на казачество в 1920–1930-е гг. Обобщающей работы на эту тему нет. Предлагаемая статья, опираясь на материалы архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области (далее – Архив УФСБ РФ по РО), исследует частный, но характерный случай, имевший место на Верхнем Дону.

Материалы и методы

Главным источником является судебное дело П-46260-А в двух томах и еще ряд архивных судебных дел, хранящихся в Архиве УФСБ РФ по РО. Часть информации собрана в открытых источниках.

В статье используется историко-ситуативный метод, который предполагает изучение исторических фактов в контексте исследуемого периода в совокупности всех прочих событий и фактов эпохи.

Обсуждение и результаты

Всегда считалось, что пиком антиказачьей политики советской власти был период Гражданской войны. Описания борьбы с «антисоветским подпольем» в 1920–1930-е гг., предпринятые в ряде исследований, не касались казачьей темы. Более или менее исследованные сфальсифицированные властью суды этого периода традиционно ограничиваются «Шахтинским делом» и судебными процессами 1936–1938 гг.

Предлагаемая статья, опираясь на материалы Архива УФСБ РФ по РО, исследует частный, но характерный случай, имевший место на Верхнем Дону в 1929 г. Это место после знаменитого Вешенского восстания 1919 г. стало своего рода пугалом для власти, хотя исследователи не могут назвать ни одного случая открытого контрреволюционного выступления в этом районе после 1922 г.

Единственной работой, упоминающей разбираемый нами случай, была статья в районной газете, написанная сотрудницей Музея М.А. Шолохова И. Ковешниковой [1], причем автора больше интересовал архивный материал о событиях Гражданской войны.

Судя по изученным судебным документам, относящимся к концу 1920-х гг., отношение власти к казакам было непостоянным, менялось в зависимости от политической конъюнктуры. Некоторые обвинения явно надуманные, но и наказания не очень уж суровые. В 1926 г. были арестованы 4 репатрианта, вернувшиеся в Дударевский сельсовет Вешенской станицы – П.А. Афанасьев, Н.И. Дударев, И.С. Иванков и В.Л. Маслов. Следователь Шишкарев высказал предположение, что они прибыли «с разведывательной целью от агентов английской разведки», но реально смог доказать, что вернувшиеся агитировали «против налога, против Соввласти за II Интернационал (!)» [2]. И хотя свидетели вспомнили, как один из репатриантов проговорился, что «работал шпионом до отъезда в Россию» [3], ОГПУ всех четверых всего лишь выслало на 3 года в Нарымский край, а через год срок высылки был сокращен на четверть [4].

28 мая 1928 г. были арестованы жители станицы Вешенской Г.М. Зубков и М.Г. Калмыков, обвиняемые по статье 58-10. Помимо антисоветской болтовни арестованных, свидетели припомнили, что во время Гражданской войны указанные казаки рубили пленных красноармейцев во время конвоирования, а чтоб обуться, «сапоги с ногами отрубивали» [5]. Особенно доставалось от свидетелей Г.М. Зубкову: «Даже конвоиры... плакали, видя нечеловеческую жестокость Зубкова Г.М.» [6]. Что касается М.Г. Калмыкова, то, как показала С.А. Никонова: «Он действительно убил моего мужа Никонова Петра Егоровича в 1919 г. за то, что мой зять служил в Красной армии и за то, что будто бы мы его дочь отдали насилловать коммунистам» [7]. После двадцатидневного разбирательства оба казака получили по 5 месяцев (!) заключения. В ноябре 1927 г. была объявлена амнистия в честь 10-летия Октябрьской революции, и бывшие белогвардейцы не преследовались за свои поступки времен Гражданской войны.

С конца 1928 г. ситуация стала заметно меняться. Но и тогда «кровопролитиев» в сельской глубинке еще не было. 9 июля 1929 г. 5 казаков хутора Нижне-Ермаковского Вешенской станицы – И.Т. Афанасьев, А.И. Попов, И.Т. Турилин, Ф.И. Ермаков и И.В. Каргин – были арестованы и обвинялись по статье 58-10. Статья 58-10 гласила: «Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58-2–58-9 настоящего кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания влекут за собой лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собой меры социальной защиты, указанные в статье 58-2 настоящего кодекса» [8]. Т.е. до расстрела.

Обвиняемым припомнили участие в восстании 1919 г., рубку пленных красноармейцев и выступления на базаре следующего содержания: «...самые лучшие хлеборобы при Советской власти – лишенцы, хохлы завоевали нас и теперь нас давят, и не дают возможности жить. Где старая власть? Мы бы всех хохлов перебили и показали, как мучить нас» [9]. И хотя это было явное использование «национальных предрассудков», всем обвиняемым дали по 3 года [10].

В ноябре 1929 г. состоялся Пленум ЦК, который поставил задачу «сплошной коллективизации перед отдельными областями». Украина, Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ должны были провести сплошную коллективизацию к лету 1931 г. 27 декабря 1929 г. Сталин заявил: «Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу, как мелкокрестьянское хозяйство... Нет, нельзя» [11]. И ЦК ВКП(б) потребовал от всех регионов закончить коллективизацию к весне 1930 г. Причем Северный Кавказ, Нижняя Волга и нечерноземная полоса к осени 1930 г. должны были загнать в колхозы все 100 % хозяйств.

Ухудшение положения в сельской местности началось еще до этих «судьбоносных решений» партии и правительства. Связаны они были с принудительными хлебозаготовками. Письмо с Дона 13 октября 1929 г. гласило: «Конфисковали все мое имущество, взяли 2 коров с телятами, двух телушек по третьему году, четыре пары быков, сарай, ручную машину, паровик и барабан и мельницу-ветряк, травную косилку, погонный ремень от двигателя, веялку... Это – конфискация за невыполнение хлебозаготовки, за 100 пудов в пятикратном размере. Словом, зажиточный класс бьют по морде, словно хотят задавить, равняют на хохла» [12].

В другом письме с Дона, датированном 28 октября 1929 г., говорилось: «У нас сейчас идет выкачка хлеба такая усиленная, что сроду и не слышали. Если задание не выполнил, то распродают хозяйство, а хозяина в тюрьму отправляют на какой-то остров [вероятно, имеется в виду СЛОН – Соловецкий лагерь особого назначения – А.В.]. Всех загнали в коллектив, так что прятаться некуда» [13].

Как писали эмигранты, побывавшие на родине: «Хоть и говорят “там”: “Ну что мы можем? Мы темный, забитый народ, безоружные”, – совсем как сироты казанские – а в глубине глаз, за полуопущенными веками, жуткий волчий блеск... Звериный оскал и подергивание скул говорят, что хватка будет мертвая» [14]. И власть видела или предугадывала этот «звериный оскал» и стремилась нанести упреждающий удар.

Перед нами дело П-46260-А в двух томах. На обложке указано имя всего лишь одного «фигуранта» – Попова Евстигнея Матвеевича. На самом деле, это дело по обвинению большой группы казаков Еланской станицы, закончившееся трагически для большей части обвиняемых.

Дело открывается «Ликвидационной запиской о контрреволюционной повстанческой организации в Вешенском районе». В ней говорится, что в августе – октябре 1929 г. на территории Хоперского округа Нижне-Волжского края органами ОГПУ вскрыта и ликвидирована контрреволюционная организация, которая планировала восстановление бывших Донской, Кубанской и Терской областей и «отделение их от СССР на правах самостоятельного государства» [15]. Руководители контрреволюционной организации прибыли из-за границы (поэтому дело вел контрразведывательный отдел). В записке назывались полковник Кадыков Павел Иванович, есаул Афанасьев, хорунжий Яковлев, подполковник Пономарев [16].

Кадыков Павел Иванович идентифицируется легко. Он родился в 1890 г., в 1915 г. закончил 3-ю Тифлисскую школу прапорщиков. Первую мировую войну закончил в чине подъесаула, сражался против большевиков в рядах белой Донской армии, дослужился до чина войскового старшины (подполковника), служил в 14-й Донской конной бригаде, формировавшейся из казаков низовой Хопра и Медведицы. В полковники он был произведен уже в эмиграции в 1921 г. [17].

С другими фигурантами дела разобраться труднее. В Донской армии служили 7 есаулов Афанасьевых, не считая не менее многочисленных сотников, войсковых старшин и полковников с той же фамилией. Что касается Яковлевых, то хорунжих с такой фамилией в Донской армии было 2, но помимо них в 1920 г. в рядах этой армии ушли за границу 2 юнкера и 4 кадета с той же фамилией, которые к 1929 г. вполне могли получить чин хорунжего и вернуться на родину. Подполковника Пономарева в рядах Донской армии не было, а найти офицера с такой фамилией в других антибольшевистских армиях не представляется возможным.

Указывалось, что в организацию входило свыше 500 человек, выступление намечалось на 1 ноября 1929 г. Повстанцы планировали захват ряда селений Хоперского округа, ссыпных пунктов и элеваторов, подрыв железной дороги в районе станции Филоново и –

главное, почему и была составлена эта записка – наступление на Донецкий округ Северо-Кавказского края, используя Вешенские контрреволюционные повстанческие ячейки [18]. Вешенский район рассматривался «как бывший очаг исторического Вешенского контрреволюционного восстания» [19], указывалось, что кадры командного состава Вешенского восстания сохранились и при советской власти, и Донецкий окружной отдел ОГПУ фиксировал постоянное сопротивление с их стороны [20].

В записке был четко очерчен очаг неповиновения – станица Еланская Вешенского района и хутора Солонцовский, Андропов, Попов, Вязовской, Нижне-Кривской, Верхне-Терновской, Кочетовский и другие. Указывалось, что во время восстания здесь была сформирована целая дивизия (на самом деле район формирования дивизии был вчетверо больше указанного), заранее назывались заговорщики – бывшие повстанческие командиры – командир Еланского повстанческого полка Голицын Иван Федорович, командиры сотен того же полка: Тарасов Михаил, Кривошлыков Андрей, Макаров Борис, Канаев Сергей, Ковалев Андрей, Гуров Василий и другие [21]. Т. е. главное внимание было уделено месту формирования Еланского повстанческого полка.

Указывалось, что симптомы контрреволюционной активности появились весной 1929 г. и были связаны с мероприятиями по реконструкции сельского хозяйства (коллективизацией) и хлебозаготовками [22]. Утверждалось, что выявлена связь между еланскими и хоперскими заговорщиками, что имело место нелегальное собрание командного состава бывшего Вешенского восстания во главе с Голицыным [23]. В качестве доказательства приводились слова Тарасова Михаила, бывшего офицера и командира повстанческой сотни, сказанные 22 июня 1929 г.: «Я 3 дня пью с горя, жизнь с каждым днем хужеет, и мы собираемся восставать, ну ее с соввластью, надо поскорее восставать, и дело будет лучше» [24].

Были и другие доказательства. В июле в станице Еланской три заговорщика – Ковалев Андрей, Щетников Гавриил и Аникин Павел – «информировали» гражданина Никифорова Ивана Ивановича «о том, что жизнь невыносимая, жить нельзя, но немного нам осталось мучиться, наши идут, прошли 300 верст, идет генерал Назаров, скоро будет восстание, мы к этому уже подготовлены, у нас есть оружие» [25]. А когда Никифоров уезжал в Урюпино, названные лица просили его захватить в хутор Скулябный к Пшеничному Ивану Ивановичу и Мочеву Абраму и говорили: «Это наши люди, они недавно у нас были». А Ковалев просил Никифорова купить патроны к револьверу и дал 10 рублей.

Уже на территории Хоперского округа Пшеничнов и Мочев «посвятили» Никифорова в существование контрреволюционной организации, «указывая, что наша организация большая, мы работаем подпольно, вешенцы наготове сделать восстание» [26]. Еще Ковалев и Щетников познакомили Никифорова с членом организации Канаевым Сергеем, который показывал новому знакомому наган и винтовку. В связке с Канаевым работал бахчевник Губанов Василий Зиновьевич, который собирал патроны, и на явку к нему шли под видом покупателей арбузов [27].

Кроме того, в Хоперском округе на рынке в хуторе Рябове «в августе месяце 1929 г. под видом легальной попойки происходило нелегальное совещание членов организации» – Голицына, Канаева, Пшеничного, Щетникова и других [28]. На такой же попойке и в том же хуторе в июле – августе Канаев, Ковалев, Пшеничнов, Мочев и Щетников завербовали неких Касаткина Ивана и Брикачева Григория, приехавших на рынок из Борисоглебского округа. Касаткину и Брикачеву рассказали, что в организации до 300 человек, есть некий руководитель из центра, дали явку к бахчевнику Губанову. Завербованные Касаткин и Брикачев обещали привезти патроны из Борисоглебска [29].

И еще одна пьянка насторожила, но уже не Хоперское, а Донецкое ОГПУ. В сентябре в станице Еланской выпивали Щетников Гавриил с Гуровым Василием, и Гуров говорил, что Иван Голицын «работает тайно против Советской власти, но осторожно, нигде не выступает, но все знает, и что Голицын свергнет скоро Советскую власть» [30].

Просматривалась связь заговорщиков с границей – репатриант Комиссаров Василий привез из-за границы какое-то поручение от полковника Бондарева, бывшего помощника окружного атамана, к полковничьей сестре, сожительнице Щетникова Гавриила. Да и в целом социальный состав подпольной организации соответствовал складывающимся представлениям – повстанческие командиры, несколько уголовников, псаломщик и бывший

начальник стражи при белых в станице Вешенской [31]. Всего было выявлено 43 заговорщика в 14 населенных пунктах.

«Принимая во внимание обактивившуюся деятельность контрреволюционной организации», выраженную в подготовке восстания, начальник контрразведывательного отдела Фирсов «полагал бы произвести ликвидацию контрреволюционной организации путем ареста и заключения под стражу... для последующего привлечения к уголовной ответственности по признакам преступления, предусмотренного статьей 58, п. 11 УК». Пометку «Согласен» сделал помощник начальника Окружного отдела Лицис и пометку «Утверждаю» – начальник Донецкого окружного отдела ОГПУ Штахановский.

Данная ликвидационная записка помечена октябрём 1929 г. (без конкретной даты), составлена в г. Миллерово [32]. Имеющееся в деле «Постановление о принятии дела к производству дознания и следствия» датировано 7 октября 1929 г. [33].

Далее в деле следует заявление в органы гражданина Касаткина от 2 сентября 1929 г. о том, как его вербовали на базаре в хуторе Ряbove и просили достать патроны, написанное коряво и неразборчиво [34]. Кроме того, в заявлении Касаткин сообщал, что казак А. Ковалев хвастался, как рубил головы красным в карательном отряде Лазарева [35].

Здесь же заявление гражданина Никифорова, который до 1918 г. жил в Еланской, а теперь, в 1929 г., ездил туда по делам. В заявлении говорится, что во время поездки Никифоров встретился с местными казаками А. Ковалевым, П. Аникиным и Г. Щетниковым, «они стали разговаривать про жизнь, про настоящее время, они говорят: не дай бог, жизнь невыносимая, пить нельзя, но немного нам осталось мучиться – наши идут, уже прошли 300 верст. Идет генерал Назаров, какового мы знаем отлично. Это боевой генерал... Нам от этого хуже не будет, мы все дружно возьмемся за это, сейчас весь мир недоволен Советской властью, сейчас охватим весь народ, который сидит в тюрьме» [36]. Далее, возвращаясь к себе домой в Урюпинскую, Никифоров со своими собеседниками заезжал к С.А. Канаеву, который показывал ржавую винтовку и обрез, к А. Ковалеву, который просил купить патроны к револьверу и дал 10 рублей. На территории Хоперского округа Никифоров остановился у Пшеничнова, который хвалился, что участвовал в Вешенском восстании: «...знаешь, как я с вешенцами проделывал? Я был командиром сотни, очень они ребята лихие. Мы им построим колхозы...» [37]. Заявление не датировано.

Обращают на себя внимание уже встреченные нами фразы и словосочетания: «я 3 дня пью с горя», «пить нельзя» (в ликвидационной записке – «жить нельзя»), «легальная попойка»... Создается впечатление, что казаки встретили старого знакомого (10 лет не виделись), выпили, хвалились спрятанным оружием (оружие до установления советской власти каждый казак имел и гордился им), жаловались на жизнь... А генерал Назаров действительно прошел 300 верст. Но был он не генерал, а полковник, шел от Таганрога до Константиновской, и было это в 1920 г. Как это часто бывает, пьяные казаки желаемое выдавали за действительное. И самое главное – в обоих заявлениях ничего не говорится о наличии подпольной организации.

На территории Нижне-Волжского края шла развернутая массовая коллективизация, и секретарь Нижне-Волжского крайкома Б.П. Шеболдаев требовал ускорить все эти процессы. «Обстановка в деревне требует форсирования этих мер», – писал он в Москву [38]. Там же была разоблачена группа засланных белогвардейцев. Каких-либо сведений об этой операции чекистов в открытой печати до настоящего времени не встречалось. Нижне-волжские чекисты предполагали наступление мятежников на Донецкий округ Северо-Кавказского края, на наиболее контрреволюционный Вешенский район, где их, несомненно, ждало подкрепление. Но вернемся к нашему делу...

В нем за письменными заявлениями Никифорова и Касаткина следует пачка ордеров на обыск и арест, датированных 2 и 3 октября [39]. То есть, брали и обыскивали казаков заранее, до постановления о производстве дознания и следствия.

Оба тома судебного дела скомпонованы по логике, ясной лишь чекистам, а ликвидационная записка составлена, как нам кажется, гораздо позже указанного на ней октября 1929 г. Дело в том, что на одного из указанных в ней «заговорщиков», Попова Никифора Ивановича, помеченного как «каратель, конокрад» [40], первый донос поступил лишь 5 декабря 1929 г. [41]. Не раньше этой даты и была составлена ликвидационная

записка. Если же мы попытаемся рассмотреть документы, хранящиеся в деле, в хронологическом порядке, то вырисовывается следующая картина.

Самый ранний (после заявления Касаткина от 2 сентября) по времени документ в деле – постановление помощника уполномоченного следственного отдела Витченко от 13 сентября 1929 г. Витченко рассмотрел требование Хоперского окружного отдела ОГПУ об аресте Ковалева Андрея Семеновича и Канаева Сергея Андриановича и постановил арестовать их и содержать при Донецком окружном отделе ОГПУ [42].

Естественно, Касаткин и Никифоров писали заявления по месту жительства, в органы Хоперского округа, а не в соседний Северо-Кавказский край. А хоперские чекисты, напомним, как раз «раскручивали» дело о подпольной организации полковника Кадыкова. И наиболее опасными им показались люди, демонстрировавшие случайным знакомым оружие (заявление Никифорова). Отсюда и требование об аресте С.А. Канаева и А.С. Ковалева.

Канаев Сергей Андрианович встречается в исследовании С.В. Волкова «Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога». Здесь сказано, что он родился в 1898 г. В белой Донской армии – хорунжий в 12-м Донском казачьем полку (добавим, что в 1919 г., согласно приказу по Войску Донскому № 1507 от 21 сентября 1919 г., он числится младшим офицером 1-й сотни 12-го Донского полка). 10 ноября 1919 г. награжден орденом Святого Станислава 3-й степени [43].

На допросах показал, что из школы был исключен за хулиганство, в 1918 г. его призвали в белую армию, в 12-й Донской полк, но из-за болезни уха он остался дома, участвовал в Вешенском восстании, из рядовых был произведен в офицерский чин и опять в 1919 г. был направлен в 12-й Донской полк. По болезни был эвакуирован в Константинополь. В 1920–1921 гг. находился за границей. Вернулся в 1921 г. в Одессу, где 3 месяца отсидел под стражей. В 1922 г. служил в бригаде особого назначения РВС, в 3-м кавалерийском полку взводным командиром, боролся с бандитизмом на реке Маныч. В том же году демобилизовался и вернулся в станицу. В 1928 г. привлекался к суду за кражу скота [44–45]. Ясно, что новобранец, за 4 месяца восстания ставший офицером – это прекрасный воин и для советской власти достаточно опасный человек.

Какую-либо причастность к антисоветским организациям С.А. Канаев отрицал: «Я красный партизан, честно служил в рядах Красной армии и далек от контрреволюции... Все казаки у нас стоят крепко за Советскую власть, точно так же как и я» [46].

Ковалев Андрей Семенович, 1895 г.р., казак хутора Кочетова, показал, что в Первую мировую войну служил в 44-м Донском полку, а в Гражданскую – в 19-м конном (так после соединения вешенских повстанцев с белыми стал называться 1-й Еланский конный полк). «Канаева Сергея, Щетникова Гавриила я хорошо знаю, но с ними боялся водить компанию, т.к. они были замечены в краже скота... Выдавал власти Канаева за кражу быков... Среди казаков я не был свидетелем, чтобы они высказывали недовольство на соввласть, т. к. мы боялись об этом говорить» [47].

Согласно заявлению Никифорова, казаки Еланской станицы Северо-Кавказского края С.А. Канаев и А.С. Ковалев дали ему явку к казаку хутора Скулябного Хоперского округа Нижне-Волжского края Пшеничнову Ивану Ивановичу. Это могла быть ниточка, связывавшая заговорщиков двух краев.

И.И. Пшеничнова Хоперский отдел ОГПУ арестовал 10 сентября. Он признал, что в хуторе Рябове на базаре 1 сентября был завербован бывшими офицерами Митиным и Ангамоскиным, дал согласие вступить в контрреволюционную организацию и получил задание съездить в соседний округ (и соседний край) в станицу Еланскую, узнать настроение и привлечь еланских казаков в организацию. Но задания он не выполнил, так как до поездки, 10 сентября 1929 г., был арестован [48]. Ниточка оборвалась... Связи у предполагаемых заговорщиков с соседним краем не было. Но показания свои начальнику контрразведывательного отдела Донецкого окружного ОГПУ Фирсову И.И. Пшеничнов дал лишь 12 ноября, когда его доставили из Хоперского округа.

И с заявлением И. Касаткина, жителя Борисоглебска, дело оборачивалось неладно. 28 декабря 1929 г. Борисоглебский окружной отдел ОГПУ Центрально-Черноземной области известил следствие, что граждане Касаткин Иван и Брикачев Григорий в указанном округе не установлены [49].

Кто ж тогда донос писал? И хозяина «явки», бахчевника В.З. Губанова, к которому надо было везти патроны, ОГПУ освободило... Кстати, автор второго заявления, И.И. Никифоров, следствием допрошен не был, в очных ставках не участвовал.

Но, повторяем, до получения этих сведений, разваливающих «дело», Донецкий отдел ОГПУ 2–3 октября начал обыски и аресты, руководствуясь, видимо, указанными письменными заявлениями и агентурными данными.

У первых 12 арестованных при обысках обнаружили: старую печать хуторского атамана, 1 патрон от винтовки и переписку на 7 отдельных «четвертушках». 8 из 12 арестованных впоследствии с миром отпустили.

На допросах особое внимание уделялось имущественному положению, службе у белых, выяснялись детали восстания 1919 г. Естественно, спрашивали о контрреволюционной организации. Арестованные ее наличие отрицали. И. Денисов: «Я как бедняк не имел никакого общения с кулацким элементом» [50]. А.Г. Целиков: «Ни от кого не слышал о существовании контрреволюционной организации и к таковой принадлежности никакой не имел» [51]. Е.Ф. Белоусов: «Ни от кого из казаков станицы Еланской, а также приезжих, я не слышал о намерениях к восстанию. Все казаки живут спокойно и о восстании не говорят» [52]. А.С. Летнев: «О существовании контрреволюционной организации я ничего не знаю» [53]. М.И. Гордеев: «Казаки наши покоряются Советской власти и против нее ничего не думают» [54].

И лишь один арестованный, Щетников Гаврила Фирсович, дал интересные для следствия показания: «Могу сказать, что казаки станицы Еланской Советской власти не хотят, все стремятся, чтоб [ее] не было, а пришла кадетская власть. Подобные разговоры имеют место и в других станицах» [55].

Тот же Щетников в своих показаниях раскрыл истинную связь между С. Канаевым, И. Пшеничным и А. Ковалевым, через которых хоперские чекисты пытались нащупать (или создать искусственно) ниточку между хоперскими и еланскими заговорщиками. С Пшеничным Щетников вместе привлекался к судебной ответственности, вместе с тем же И. Пшеничным судился и С. Канаев [56]. В 1927 г. Щетникова вызывали в суд в станицу Алексеевскую Хоперского округа по подозрению в краже, там он познакомился с Пшеничным, встречался с ним часто [57]. Пшеничнов был арестован в 1927 г. за кражу скота [58]. Вместе с Пшеничным проходили по делу о краже еланские казаки С. Канаев и М. Горячев. Горячев взял вину на себя и получил 4 года, а Пшеничнов и Канаев были освобождены. «Я тоже оправдан». С тех пор Щетников дружил с Канаевым и Пшеничным. И с ними еще дружил Ковалев А. [59].

То есть, хоперские чекисты на роль заговорщиков Северо-Кавказского края «утвердили» первых попавших к ним уголовников из этого края. Кроме того, Щетников по непонятным соображениям назвал С. Канаева полковником Белой армии [60].

7 октября было вынесено постановление об аресте (уже обысканных и арестованных) 12 казаков и о препровождении их в город Миллерово [61]. На бывшего слабину Щетникова надели. В течение последующих 10 дней его допрашивали 5 раз и дважды водили на очные ставки. Большинство протоколов допросов Щетникова не датированы. На его показаниях, собственно, чекисты и стали строить новую систему обвинений.

О себе Г.Ф. Щетников дал откровенные показания, говорил, «как на духу». Родился в 1879 г., неграмотен (вместо подписи ставил три креста). Действительную службу отбывал в 11-м Донском полку. В 1906 г. подавлял забастовку в городе Радоме. Участник Первой мировой войны, участник восстания в 1919 г., служил в местном гарнизоне. В 1924 г. судился за кражу, получил 2 года, но был освобожден через 6 месяцев. «В станице Еланской я слышу за местного вора-скотокрада. Несколько раз задерживался, подвергался приводам в милицию. Воровством я занимался у населения станицы Еланской» [62]. Во время восстания «мне приказано было идти в бой с колом, да и у многих были колы, оружие доставалось за счет красных частей» [63]. «При отступлении белых я отступал до села Белая Глина, где я пристал в зятя к одному кулаку. Прожил 7 месяцев, оставил сноху, кулака и уехал в ст. Еланскую, приехав на Пасху 1920 г. В Еланской у меня были хата, корова и 2 быка и оставались жена с дочкой. Жена вскоре ушла от меня, а дочь отдала замуж. При отступлении я нашел 72 тысячи денег совзнаками, купил себе флигель и нашел себе жену Баеву Марфу, в 1928 г. развелся и сейчас сожительствую с Ариной Даниловной

Кузнецовой. Брат у нее за границей, помощник атамана Иван Данилович Бондарев. Занимался я торговлей, скупкой и продажей скота и мяса. Посева я не имел. Приходилось покупать ворованный скот. Сам я не воровал, но был связан с теми, кто занимался воровством. Знаю все хутора. Вхож к богатым. Они знали, что через меня они могли все достать. Я разобьюсь, а водку достану каждому, никого никогда не выдавал. На этой почве у меня происходили встречи и выпивки с казаками, присутствовал при их разговорах. Из этих разговоров я узнал, что казаки в данное время готовятся к вооруженному восстанию против Советской власти» [64].

Кроме того, Г.Ф. Щетников «сдал» свою бывшую сожительницу Баеву Марфу – у нее якобы был револьвер – и нынешнюю, Арину Кузнецову, – ей из-за границы брат передал 40 рублей [65].

Первой в показаниях Щетникова всплыла фамилия Гурова Михаила Яковлевича, бывшего командира повстанческой сотни. «Гуров заявлял мне жалобы, что проводят хлебозаготовки, жить нам трудно, что власть поэтому будет свергнута. Почему она – Соввласть – будет свергнута, Гуров мне так и не сказал» [66]. Далее были названы Гуров Василий Васильевич, который когда-то, по мнению Щетникова, носил погоны полковника, и Попов Александр Иванович, атаманец. Эти оба ждали войны с Китаем, не хотели сдавать хлеб и говорили, что «терпеть осталось немного» [67].

Затем, видимо, Щетникову был задан вопрос о бывшем командире Еланского повстанческого полка Иване Голицыне. Щетников сказал, что Голицын «живет очень богато» [68]. Некий Гуров Василий Ефимович якобы говорил Щетникову, что Голицын «работает против Советской власти тайно, но осторожно». Далее Щетников перечислил всех бывших подчиненных Голицына во время восстания на уровне сотенных командиров и рассказал, что летом видел, как «Гуров Василий Ефимович встретил Голицына Ивана, особенно приветствовал его, отдал честь и низко поклонился. Знаю, Голицын Иван никуда не выезжает, и если выезжает, то связь имеет со станицами Хоперского округа» [69].

Но чекистов, видимо, не устраивали косвенные данные, кто кому кланялся и т.п. В деле хранится бумага «Дополнительные показания Щетникова Гавриила Фирсовича», не датированная, но находится между документами, отмеченными 10 и 15 октября 1929 г. Допрашивал Щетникова начальник контрразведывательного отдела Фирсов.

Щетников «дополнительно» показал, что после Троицы в июле с С. Канаевым и А. Ковалевым ездил в хутор Рябов Хоперского округа. По дороге Канаев сказал ему, что готовится восстание. И.Ф. Голицын будет командовать полком, а В.Е. Гуров и М.Я. Гуров будут командирами сотен. «Мы устраивали офицерское совещание в х. Нижне-Вязовском у Голицына И.Ф., где было много наших командиров и решали вопрос о том, как будем делать восстание», – якобы сказал Канаев [70]. Он предложил Щетникову вступить в организацию, и тот согласился. В хуторе Рябове на рынке встретились с Пшеничным и 2 казаками из станицы Алексеевской, друзьями С. Канаева. Затем все якобы собралась во дворе некоего Семена Ивановича. Компания «стала пить, я тоже присел. Голицын перед нами рассуждал, что мы должны сменить Советскую власть, организовать полк, сделать восстание, а то у нас все заберут, и нам будет плохо, мы должны ожидать спасения только от самих себя, и нам помогут войска из-за границы, которые вот-вот должны нагряться» [71]. К Голицыну якобы подходили другие казаки и о чем-то тихо разговаривали. Вернувшись, Щетников рассказал, что вступил в организацию, бывшему офицеру, участнику восстания А.М. Кривошлыкову, а тот ответил, что уже знает от М.Я. Гурова [72].

15 октября на дополнительном допросе Щетников подтвердил, что весной ездил в хутор Рябов с С. Канаевым и А. Ковалевым, и во время поездки те его завербовали [73] (раньше он показывал, что вербовали его в июле).

16 октября Щетников рассказал о ходе восстания 1919 г. и назвал ряд его руководителей. И сейчас якобы казаки открыто ему говорили: «Где же наш Голицын? Он в 1919 г. освободил нас от Советской власти, а сейчас нас никто не освободит» [74]. Особо Щетников отметил, что весь бывший командный состав повстанцев живет богато, «хотя они возвращались полуголыми, и хозяйства их были разорены» [75].

Следующая волна обысков и арестов пришла на 17–18 октября. Арестованы были 22 человека. Среди них И.Ф. Голицын и все названные Щетниковым участники восстания

1919 г. Для разнообразия арестовали местных скотокрадов, местного псаломщика и хозяина мельницы из соседнего округа.

Были найдены 3 охотничьих патрона, отрывок из брошюры «О признаках кончины мира», переписка на 10 листах и переписка на 22 листах. У И.А. Воробьева нашли винтовку. Он говорил, что винтовка учебная, сын Федор принес ее из Осоавиахима [76]. Арестованных отправили в г. Миллерово и начали допрашивать.

Но тут перед следователями предстал иной человеческий материал. Это были выборные командиры повстанческих отрядов, выходцы из рядового состава, заслужившие георгиевские кресты и офицерские погоны, уже отсидевшие за свою «контрреволюцию» и амнистированные. Они, не таясь, говорили о своих наградах и бывших подвигах, открыто жаловались на жизнь, но отказывались говорить что-либо о своих товарищах.

Александр Иванович Попов заявил: «Преданием народа я не занимался, и это не по моей душе... Предать человека я не могу по моему душевному предрасположению к ним и моему характеру. И ничего за них не знаю» [77].

Митрофан Никитович Кочетов заявил, что «не согласен сообщать органам государственного политического управления показания о лицах, проводивших контрреволюционную работу против советского государства», и повторно заявил: «категорически отказываюсь» [78].

Иван Федорович Голицын выразился еще яснее: «Я, бывший командир повстанческого полка, заявляю, что никаких показаний о известных мне лицах, проводивших подготовку к вооруженному восстанию против Соввласти, категорически давать не буду... Я не проститутка, чтобы сообщать ОГПУ известную мне к[онтр]/р[еволюционную] деятельность моих знакомых» [79].

И.Ф. Голицын, 1890 г.р., бывший командир Еланского полка в период восстания, стал ключевой фигурой процесса. Он был участник Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер, произведенный в хорунжие, «как бантист», 10(23) октября 1918 г. После восстания он остался в своем полку уже в качестве взводного командира. После Гражданской войны был осужден и сослан в Свердловск, откуда вернулся только в 1926 г.

Его предполагалось выставить главой заговорщиков. Против него были показания Щетникова, что он в хуторе Ряbove во время пьянки обсуждал будущее восстание, а С. Канаев якобы говорил Щетникову по дороге в Рябов в июле 1929 г., что дома у Голицына проводили «офицерское совещание». Однако С. Канаев на допросе 3 декабря показал, что в хуторе Ряbove был только в 1928 г., а в 1929 г. туда не ездил, «благодаря тому, что у меня больные ноги – болезнь ревматизм», а на вопрос о И.Ф. Голицыне и А.И. Попове ответил: «Могу сказать, что богатые, а больше ничего сказать не могу» [80]. Да и сам Голицын на допросе сказал: «Со своими командирами по восстанию я избегал встречаться и иметь общение, дабы не навлечь подозрений» [81].

Что касается совещания в хуторе Ряbove, то И.Ф. Голицын выдержал очную ставку с Г.Ф. Щетниковым 28 октября и заявил, что в июне или июле он был в Ряbove, продавал быков. «На рынке я действительно выпивал, со мной был Бесхлебнов Андрей Васильевич, моя сваха Анна Николаевна Солдатова, Мельников Егор Тарасович. Перечисленные Щетниковым лица со мной не выпивали» [82]. Названные И.Ф. Голицыным лица следствием допрошены не были.

Наивно надеясь, что за свою «контрреволюцию» он уже отсидел, И.Ф. Голицын пытался говорить с представителями власти о насущных житейских проблемах. Он вернулся к разоренному хозяйству и семье в 11 человек, но быстро наладил дело, не зря Щетников и Канаев назвали его богатым. Он рассказал, что с 1923 г. положение на Дону улучшилось, но в 1928 г. началась борьба со спекуляцией, «казак замкнулся, но излишки вывозил». Но с осени 1928 и весной 1929 гг. «наехали работники», назначили непосильные контрольные цифры хлебазаготовки. В 1929 г. настроение у казаков было растерянным. «Казак ходил унылый или предавался широкому пьянству. Деда пророчили из Библии про Китай» [83]. Сам Голицын «приходил к выводам, что казачество доживает последние дни, считая это неизбежным явлением». Но из-за расшатанного здоровья, заявил он, «я решил уйти на покой, вернулся в семью, работаю только во имя семьи» [84].

И, тем не менее, дважды, 27 октября и 14 ноября на вопрос о возможности восстания он ответил: «Мне как врагу Советской власти, об этом я открыто заявляю, так как у меня есть

несмываемое прошлое, почва для развития контрреволюции среди казачества была вполне пригодной» и «Я не могу ручаться, чтобы казачество являлось надежным оплотом для Советской власти в случае военных событий» [85].

Но участие в контрреволюционной организации И.Ф. Голицын отрицал и вообще какой-либо организации среди казаков не замечал [86]. Доказательств контрреволюционной деятельности бывшего командира повстанческого полка следствие не нашло. В обвинительном заключении о И.Ф. Голицыне было сказано: «На допросе он показал, что является непримиримым врагом Советской власти» [87]. И все.

Другие подследственные вели себя схоже. М.Т. Кочетов на допросе 1 ноября заявил: «Казак привык жить, чтоб его не трогали и не трогали его хозяйства». Но советская власть наносит ущерб хозяйству, «и благодаря лишь тому, что казак подымал свой голос за право на жизнь, за сохранение своего хозяйства». Он, Кочетов, сеял 7 десятин, а на него наложили по хлебозаготовкам 400 пудов зерна. «Наложение считаю неправильным. Хлеба у меня нет» [88].

Александр Иванович Попов показал 16 ноября, а затем 2 декабря: «При Советской власти мне жилось очень хорошо», но с 1928 г. начались хлебозаготовки, а «в 1929 г. стало туго жить и не под силу выполнять кампании по хлебу». Казаки стали говорить: «До каких пор это будет продолжаться?». В общем, «этим людям жить хочется, как и мне, но не с такой жизнью...» [89]. Но донести до представителей власти свои беды и проблемы арестованные казаки не могли и, когда догадывались о сути происходящего, начинали глумиться над следователями.

Так, Михаил Егорович Тарасов, 1892 года рождения, георгиевский кавалер, командир повстанческой сотни, отсидевший с 1920 по 1924 гг. в концлагере в Рязани и в Костроме, на допросе 24 октября заявил: «Я вообще невинный человек... За казаков станицы Еланской я ручаюсь, они все за Советскую власть, так же как я. С Щетниковым Гаврилой не выпивал и в его компании избегал бывать» [90].

31 октября за М.Е. Тарасова взялся сам Фирсов, начальник контрразведывательного отдела. Диалог этот достоин того, чтобы его привести полностью:

«Вопрос: Были ли недовольства в ст. Еланской среди казаков на хлебозаготовках?»

Ответ: Никаких не было. Казак очень даже радовался, что у него забирают хлеб, так как Вы, Советская власть, когда забираете хлеб, говорите, что [вы, казаки] пойдете в коллектив. Казак поэтому с охотой отдавал хлеб и стремился идти в коллектив.

Вопрос: Довольны ли были лица, у которых власть забирала хлеб и конфисковывала имущество?»

Ответ: Эти лица довольны были и говорили, что это должно так и быть, если Советская власть ведет к социализму.

Вопрос: Нужна ли казаку Советская власть?»

Ответ: Нужна, так как казаки выполняют хлебозаготовку, займы, самообложение и помогают этим Советской власти.

Вопрос: Когда казаку жилось лучше, при царе или при Советской власти?»

Ответ: Казак никогда не признавал царской власти, так как он справлял коня, пашку и отдавал честь, хотя таких требований [как сейчас] царская власть не предъявляла.

Вопрос: Что дороже, честь или выполнение хлебозаготовок?»

Ответ: Казаку если бы сейчас предложили старые порядки, то сейчас он с ними бы не согласился. Все его стремление только направлено, чтобы помочь Советской власти хлебозаготовками.

Вопрос: Почему в Еланской хлебозаготовки не на 100 % выполнены?»

Ответ: Некоторые агитировали, возможно, что будет война с Китаем. О китайских событиях я узнал, когда попал в камеру ГПУ. Сам слышал от народа ст. Еланской, что в Китае рабочие воюют с китайской буржуазией, но об этом я слышал еще в прошлом году.

Вопрос: Почему началось восстание в 1919 г.?»

Ответ: Потому что власть мобилизовала обывательские подводы.

Вопрос: Сейчас хлебозаготовки, конфискации, аресты могут служить почвой, чтоб казаки говорили о новом восстании?»

Ответ: Заявляю, что аресты производятся, чтобы казаки были сознательными и не готовили бы восстание против теперешней власти, а конфискации применяются для того, чтобы казак быстрее шел к социализму.

Вопрос: По-видимому, казаки подготавливали в данное время контрреволюционное восстание?

Ответ: Нет, потому что казаки живут при Советской власти хорошо» [91].

Щетников и Пшеничнов добавляли новые детали, их водили на очные ставки, но признавшихся не находилось.

Сам Пшеничнов, завербованный Митиным и Антамошкиным, 13 ноября усомнился в своих показаниях. «Возможно, это были и не Антамошкин, и не казак Митин, и может быть они только ими рекомендовались. Почему доверяли мне, не знаю. Почему согласился вступить в организацию, объяснить не могу» [92]. Но с ним поработали, и Пшеничнов заявил: «Прошу простить меня. Я понял свое заблуждение и теперь считаю нужным раскаться в своих преступлениях против Советской власти». И назвал членов контрреволюционной организации Канаева, Ковалева, Лошадкина, Щетникова [93]. Это были казаки Еланской станицы, о них писал в заявлении Никифоров и подробно рассказывал сам Щетников. Пшеничнов же, как мы помним, в Еланскую по заданию выехать не успел.

Позже в обвинительном заключении было сказано, что вину признали лишь двое – Щетников и Пшеничнов. Другие «создали на ходе следствия организованное сопротивление в отказе дачи показаний о своем участии в контрреволюционной деятельности» [94].

Привлеченные свидетели отрицали возможность восстания. 69-летний фельдшер Мельников Ефим Яковлевич считал, что казаки на восстание не пошли бы, «потому что 1919 г. сидит у них до сих пор в памяти» [95]. И Алексей Григорьевич Дроздов, урядник Белой армии, а затем взводный командир Красной армии, подтвердил: «теперь восставать очень трудно, мы научены, как восставать» [96].

Сроки поджимали. Изучив прошлое арестованных и их имущественное положение, чекисты выпустили ряд арестованных. 8 января – 69-летнего фельдшера Е.Я. Мельникова (в другом списке он проходил как кулак и дворянин) [97]. 12 января 1930 г. начальник контрразведывательного отдела Фирсов постановил освободить: Е.В. Козлова (в ликвидационной записке он значился как «уголовный элемент», отсидевший за кражу) [98], Я.В. Аникеева (бывшего рядового повстанца, телефониста), И.П. Денисова (бедняка, отслужившего в Красной армии в 1919–1922 гг.), П.Ф. Воробьева (в ликвидационной записке он тоже значился как «уголовный элемент», в 1922 г. умудрился украсть овцу у самого Г.Ф. Щетникова) [99], А.И. Банникова (кустаря-портного, отслужившего у красных, и у белых, вернувшегося из эмиграции с первым же пароходом и дослуживавшего в дивизии Г.И. Котовского), Мельникова Георгия Ефимовича (в ликвидационной записке он значится как «учитель», и фамилия его там подчеркнута красным; на самом деле учителем был его брат Михаил, а Георгий был офицером, репатриантом, отсидевшим за нелегальный переход границы; в 1925–1929 гг., работал «шофером трактора», чему научился в эмиграции) [100]. Видимо, последнего выпустили в преддверии поголовной коллективизации, учитывая его навыки тракториста.

Меж тем 10 января подследственным было объявлено об окончании следствия. 15 января было составлено обвинительное заключение на 35 человек, обвиняемых по статье 58-11. Начиналось оно, как и ликвидационная записка, с экскурса в прошлое: «В феврале 1919 г. в Вешенском округе была свергнута создававшаяся Советская власть...». Но, как считали чекисты, «в прежних очагах Вешенского контрреволюционного восстания сохранились кадры активной белогвардейщины, проводившей настойчивую борьбу против проводимых партией и соввластью мероприятий» [101].

Местные повстанцы, как считало следствие, были связаны с ликвидированной на Хопре организацией офицеров Кадыкова, Афанасьева, Яковлева и Пономарева, которая «в первую очередь рассчитывала на выступление казачества Вешенского района, проводя в его среде подготовительную для вооруженного восстания работу, и на казачество Вешенского района возлагалась ведущая роль в восстании» [102]. Отметим, что в деле нет ни одного показания членов указанной хоперской организации.

Обвинительное заключение, основываясь на показаниях Г.Ф. Щетникова и И.И. Пшеничнова, на заявлениях Никифорова, Касаткина и Брикачева, говорило о совещании бывших повстанческих командиров и о скупке оружия. Заговорщики были выявлены в 14 хуторах, это были 1 командир полка, 7 сотенных и взводных командиров, 3 репатрианта, 3 бывших атамана, 6 бывших вахмистров, 2 торговца, 1 духовное лицо, 2 сына кулака, 4 деклассированных элемента, 6 рядовых участников восстания. По классовой принадлежности это были 10 кулаков, 7 зажиточных, 15 середняков (из них 3 – бывшие кулаки) и 3 бедняка (деклассированные элементы). 12 человек уже были лишены избирательных прав – «лишенцы» [103].

Составитель написал, что дело «подлежит рассмотрению во внесудебном порядке Политтройкой при ПП ОГПУ СКК¹ и представляется на предварительное заключение прокурору по Донецкому округу». Подписали начальник контрразведывательного отдела Фирсов, помощник начальника окружного отдела Лицис и утвердил начальник Донецкого окружного отдела Штахановский [104].

20 января 1930 г. свое заключение составил временно исполняющий должность окружного прокурора Донецкого округа Г.Е. Вронский. Во вступительной части он отметил: «На почве недовольства проводимых соввластью мероприятий на селе, часть реакционного казачества начала организовываться в повстанческие боевые организации, имеющие целью восстание против Советской власти» [105]. Далее арестованные обвинялись в связи с заграничными антисоветскими структурами, в работе под руководством белоэмигрантов, в стремлении создать отдельное казачье государство. Далее следовал список с характеристиками, которые должны были выявить классовое лицо арестованных. Помимо подготовки к восстанию, люди обвинялись в хранении оружия, укрывательстве имущественного положения кулаков, указывались все антисоветские посты и действия человека в прошлом. Завершалось заключение словами «настоящее дело направить на внесудебное рассмотрение политтройки при ПП ОГПУ СКК» [106].

На заключении, составленном 15 января, были наложены две резолюции: «Согласен. Старший помощник краевого прокурора А.М. Туманов» и «На рассм[отрение] к[раевой]/т[ройки]. Уполномоченный по кр. <неразборчиво>. 30.1.30» [107]. 30 января были составлены два документа. Уполномоченный контрразведывательного отдела Шинкарев постановил освободить 8 человек: И.П. Кашлакова (в ликвидационной записке значился «уголовный элемент», окружной прокурор вменил ему хранение оружия); И.К. Лошадкина (бывший повстанец, прокурор обвинил его в вербовке, агитации и получении патронов); В.З. Губанова (в ликвидационной записке значится «уголовный элемент», бахчевник, с начала следствия проходил как содержатель явки); И.И. Панфилова (местный скотокрад, имел кличку «Мошенник») [108]; Д.М. Щиповскова (в ликвидационной записке значится «уголовный элемент»); И.И. Титова (в ликвидационной записке значится «кулак», бывший повстанец); И.Ф. Кочетова (в ликвидационной записке значится «кулак», служил у белых); А.С. Летнева (бывший кулак, бывший повстанец) [109]. Как видим, контрразведывательный отдел освободил неудачливых уголовников и людей, не занимавших в белом движении каких-либо постов. Начальник контрразведывательного отдела Курский начертал на постановлении «Согласен», а заместитель Полномочного представителя ОГПУ в крае Рудь утвердил [110].

Тогда же, 30 января, состоялось заседание тройки при ПП ОГПУ СКК по делу № 12897. Решение тройки было утверждено ОГПУ 1 февраля 1930 г.

Тройка приговорила расстрелять Голицына И.Ф., семью выслать в Северный край на 5 лет, имущество конфисковать. Такой же каре подвергли М.Е. Тарасова, который утверждал, что казаки очень довольны, когда у них конфискуют имущество и таким образом ведут к социализму.

Приговорили к расстрелу, но не тронули семьи А.С. Канаева (за год из рядовых ставшего офицером, репатрианта и скотокрада; ему приписали участие в карательном отряде Лазарева); А.М. Кривошлыкова, Г.К. Лошадкина, Б.Я. Макарова, В.Е. Гурова, М.Я. Гурова (все пятеро – командиры сотен во время восстания 1919 г.). Расстреляли

¹ При полномочном представителе ОГПУ в Северо-Кавказском крае.

А.С. Ковалева (ему приписали командование сотней в восстание и службу в карательном отряде Лазарева). Расстреляли А.И. Попова, отказавшегося давать показания, ему припомнили подавление рабочих забастовок еще до революции. М.Н. Кочетова и М.И. Гордеева расстреляли как репатриантов, прибывших из-за границы с антисоветскими заданиями. Расстреляли И.А. Воробьева, бывшего хуторского атамана, и Н.М. Гордеева, кулака, лишенца, бывшего подхорунжего. Расстреляли Н.И. Попова, конокрада, его обвинили в том, что он в годы Гражданской войны сам расстрелял сына-красноармейца.

Заодно расстреляли И.И. Пшеничнова и Г.Ф. Щетникова, на показаниях которых и было построено все дело. Пшеничнову припомнили, что в 1919 г., во время восстания, он перешел от красных к повстанцам, а теперь якобы осуществлял связь повстанцев с казаками Хоперского округа, да и вообще в 1928 г. подозревался в краже, а Щетникову, торговцу ворованным скотом, судимому за кражу, припомнили, как в 1906 г. он разгонял забастовки рабочих.

По 10 лет дали В.В. Гурову, бывшему подхорунжему; З.С. Кривошлыкову, Е.Ф. Белоусову, А.Е. Целикову, Е.М. Попову – кулакам; В.И. Комиссарову, старшему уряднику, репатрианту; В.И. Гурову, зажиточному, бывшему повстанцу; И.Н. Кочетову, бывшему хуторскому атаману и бывшему председателю сельсовета; М.А. Сердинову, псаломщику. Меньше всех – 8 лет – получил И.И. Алешин, хозяин мельницы, зять С. Канаева [111].

Впоследствии уцелевшие родственники подали заявления о реабилитации М.Я. Гурова, А.С. Ковалева, М.Н. Кочетова, Е.М. Попова, их реабилитировали, и в списках, прилагаемых к обвинительному заключению, и к приговору «тройки», сделали соответствующие пометки [112].

На следующий день после утверждения ОГПУ постановления «краевой тройки», 2 февраля 1930 г., в ОГПУ вышел приказ № 44/21 о чекистском сопровождении раскулачивания. «В целях наиболее организованного проведения ликвидации кулачества как класса и решительного подавления всяких попыток противодействия со стороны кулаков мероприятиям советской власти... в самое ближайшее время кулаку, особенно его наиболее богатой и активной, контрреволюционной части – должен быть нанесен сокрушительный удар...» [113]. Начались процессы еще более страшные.

Выводы

Таким образом, перед нами яркий пример бессудной политической расправы власти над бывшими (в годы Гражданской войны) и потенциальными противниками в преддверии массовой коллективизации. И началась такая политика по отношению к ним еще до пика раскулачивания и принудительной коллективизации. Приведенный нами пример относится к концу 1929 г. – «года великого перелома».

Примечания:

1. Ковешникова И. Командир «Первого Еланского полка» // Тихий Дон. 2002. 14 ноября.
2. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-35213. Л. 31.
3. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-35213. Л. 68.
4. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-35213. Л. 88.
5. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-16437. Л. 70б.
6. Архив УФСБ РФ по РО. П-16437. Л. 170б.
7. Архив УФСБ РФ по РО. П-16437. Л. 110б.
8. Письма во власть. 1928–1939. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М.: РОССПЭН, 2002. С. 133.
9. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-15633. Л. 68.
10. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-15633. Л. 68.
11. Кузнечевский В.Д. Сталин. «Посредственность», изменившая мир. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010. С. 297–298.
12. Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934. Ростов-на-Дону: НПК «Гефест», 1994. С. 146.

13. Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934... С. 147.
14. Крестная ноша: Трагедия казачества. Ч. 1. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934... С. 112.
15. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 1.
16. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 1.
17. Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. С. 334.
18. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 1.
19. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 2.
20. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 2.
21. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 2.
22. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 3.
23. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 3.
24. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
25. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
26. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
27. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4, 5.
28. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 4.
29. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 5.
30. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 5.
31. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 7.
32. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 9.
33. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 10.
34. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 12.
35. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 12.
36. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 13.
37. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 13.
38. Елисеев А.В. Разгадка 1937 года. «Преступление века» или спасение страны. М.: Эксмо; Яуза, 2009. С. 96.
39. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 14–31.
40. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8.
41. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 167–167об.
42. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 181.
43. Волков С.В. Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога... С. 346.
44. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 188, 189.
45. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 148–148об.
46. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 148об.
47. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 133–133об.
48. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 134.
49. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 175.
50. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 217.
51. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 225.
52. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 226.
53. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 227.
54. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 228.
55. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 211.
56. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 211.
57. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
58. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 242об.
59. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
60. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 211.
61. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 199–210.
62. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
63. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 251.
64. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 251.

65. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 247, 251.
66. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
67. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
68. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 219.
69. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 220.
70. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
71. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 246.
72. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 247.
73. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 248.
74. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 251.
75. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 252.
76. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 131.
77. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 150об., 158об.
78. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 52–52об.
79. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 56.
80. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 160.
81. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 143.
82. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 67 об.
83. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 59.
84. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 60.
85. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 60, 143.
86. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 143.
87. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 260.
88. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 101.
89. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 150, 158об.
90. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 490б.
91. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 98–99.
92. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 140.
93. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 157.
94. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 219.
95. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 1260б.
96. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 1670б.
97. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8.
98. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8.
99. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 8, 216.
100. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 7, 163.
101. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 205, 206.
102. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 208.
103. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 213–218.
104. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 233.
105. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 260.
106. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 260 об.–2620б.
107. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 233.
108. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 1. Л. 253.
109. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 265–266.
110. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 266.
111. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 267–271.
112. Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-46260-А. Т. 2. Л. 226, 230, 231, 268, 269, 270.
113. Наумов Л.А. «Кровавый карлик против Вождя народов». Заговор Ежова. М.: Эксмо; Яуза, 2009. С. 161.

References:

1. Kovesnikova I. Komandir «Pervogo Elanskogo polka» // Tikhii Don. 2002. 14 noyabrya.
2. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-35213. L. 31.
3. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-35213. L. 68.

4. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-35213. L. 88.
5. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-16437. L. 7ob.
6. Arkhiv UFSB RF po RO. P-16437. L. 17ob.
7. Arkhiv UFSB RF po RO. P-16437. L. 11ob.
8. Pis'ma vo vlast'. 1928–1939. Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i sovetskim vozhdyam. M.: ROSSPEN, 2002. S. 133.
9. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-15633. L. 68.
10. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-15633. L. 68.
11. Kuznechevskiy V.D. Stalin. «Posredstvennost'», izmenivshaya mir. M.: ZAO «OLMA Media Grupp», 2010. S. 297–298.
12. Krestnaya nosha: Tragediya kazachestva. Ch. 1. Kak nauchit' sobaku est' gorchitsu. 1924–1934. Rostov-na-Donu: NPK «Gefest», 1994. S. 146.
13. Krestnaya nosha: Tragediya kazachestva. Ch. 1. Kak nauchit' sobaku est' gorchitsu. 1924–1934... S. 147.
14. Krestnaya nosha: Tragediya kazachestva. Ch. 1. Kak nauchit' sobaku est' gorchitsu. 1924–1934... S. 112.
15. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 1.
16. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 1.
17. Volkov S.V. Ofitsery kazach'ikh voysk. Opyt martirologa. M.: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2013. S. 334.
18. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 1.
19. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 2.
20. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 2.
21. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 2.
22. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 3.
23. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 3.
24. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
25. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
26. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
27. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4, 5.
28. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 4.
29. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 5.
30. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 5.
31. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 7.
32. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 9.
33. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 10.
34. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 12.
35. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 12.
36. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 13.
37. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 13.
38. Eliseev A.V. Razgadka 1937 goda. «Prestuplenie veka» ili spasenie strany. M.: Eksmo; Yauza, 2009. S. 96.
39. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 14–31.
40. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8.
41. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 167–167ob.
42. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 181.
43. Volkov S.V. Ofitsery kazach'ikh voysk. Opyt martirologa... S. 346.
44. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 188, 189.
45. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 148–148ob.
46. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 148ob.
47. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 133–133ob.
48. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T.2. L. 134.
49. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 175.
50. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 217.
51. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 225.
52. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 226.

53. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 227.
54. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 228.
55. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 211.
56. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 211.
57. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
58. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 242ob.
59. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
60. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 211.
61. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 199–210.
62. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
63. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 251.
64. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 251.
65. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 247, 251.
66. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
67. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
68. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 219.
69. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 220.
70. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
71. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 246.
72. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 247.
73. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 248.
74. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 251.
75. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 252.
76. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 131.
77. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 150ob., 158ob.
78. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 52–52ob.
79. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 56.
80. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 160.
81. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 143.
82. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 67 ob.
83. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 59.
84. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 60.
85. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 60, 143.
86. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 143.
87. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 260.
88. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 101.
89. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 150, 158ob.
90. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 49ob.
91. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 98–99.
92. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 140.
93. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 157.
94. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 219.
95. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 126ob.
96. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 167ob.
97. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8.
98. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8.
99. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 8, 216.
100. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 7, 163.
101. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 205, 206.
102. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 208.
103. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 213–218.
104. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 233.
105. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 260.
106. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 260 ob.–262ob.
107. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 233.
108. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 1. L. 253.

109. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 265–266.
110. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 266.
111. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 267–271.
112. Arkhiv UFSB RF po RO. D. P-46260-A. T. 2. L. 226, 230, 231, 268, 269, 270.

УДК 94 (470):34

**Внесудебная расправа над казаками Еланской станицы в 1929–1930 гг.
(исследование одного архивного дела)**

Андрей Вадимович Венков

Южный научный центр Российской Академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: andrey_venk@rambler.ru

Аннотация. В статье, опираясь на архивные материалы ФСБ, сделана попытка на примере судебных дел 1929–1930 гг. рассмотреть политику власти по отношению к казакам Верхнего Дона на начальном этапе коллективизации. Рассмотрена попытка власти в преддверии массовой коллективизации уничтожить своих потенциальных противников путем обвинения их в подготовке вооруженного восстания. В оборот введены новые архивные материалы.

Ключевые слова: ОГПУ, заговор, контрреволюционная организация, казаки, повстанцы, хлебозаготовки, коллективизация.